



20 апреля 2004 **Марк Свед (Mark Swed)**

Оригинал статьи – в газете [Los Angeles Times](#) (США)

Певец, который поет действительно свое

Голос Дмитрия Хворостовского созрел для его тяжелых песен

Все. Он больше не Элвис. Дмитрий Хворостовский уже не тот помпадур, каким был раньше, и, что даже более важно, 41-летний сибирский баритон теперь не только старше, но и элегантнее. На своем сольном концерте в зале 'Дороти Чандлер Павильон' в воскресенье Хворостовский показал, что ему удалось даже больше. Он стал совершенным певцом.

Уже в 1990 году, когда в Нью-Йорке прошел первый его сольный концерт, карьера Хворостовского представлялась блестящей. Однако на том широко разрекламированном концерте баритон, который тогда был последней, сенсацией вокального конкурса в Кардифе (Уэльс), не спел практически ничего, кроме грустных песен Чайковского и Рахманинова, неизвестных даже большим любителям классики, собравшимся в зале. Даже великолепно спетые, они оставили незабываемо тягостное впечатление.

Сверкающие глаза Хворостовского пленяли женщин из публики, что и дало почву для сравнения его с Элвисом (Пресли - пер.). Немного Верди в конце, и стало понятно, что у певца прекрасный голос, хотя баритон все же имеет мало общего с открытой манерой пения в итальянской опере. Однако главное впечатление, которое осталось от Хворостовского - он не настолько отождествляет себя с этой угнетающей музыкой, чтобы походить на пушкинского поэта-самоубийцу.

В воскресенье Хворостовский все еще держал эту линию. Свой концерт в Лос-Анджелесской опере он начал со 'Смерти' Чайковского и в первой половине программы спел еще много мрачных композиций Чайковского и Рахманинова.

Снова он поведал слушателям о своей печали, бессонных ночах, духовном томлении и спасительном конце всему. Только с последней песней, 'Вешние воды', черные тучи немного разошлись, но даже здесь крик 'весна пришла!' отдавал какой-то обреченностью - Рахманинов, сами понимаете!

Это не означает, что за 14 лет Хворостовский не изменился. Он доказал, что отнюдь не страдает импульсивностью и духом саморазрушения. Дав самому себе время созреть, он сделал в опере поистине блистательную карьеру.

В этот воскресный вечер не только мрачноватые старые русские композиции зазвучали по-новому призывно, но и четыре арии Верди, которыми завершался концерт, раскрыли то, что в оперном мире и без того уже давно не является тайной. Хворостовский уже настолько врос в эту музыку, что стал в наше время тем самым баритоном, что должен петь Верди, и вообще самым лучшим исполнителем вокальных произведений Верди в наши дни.

Арии Верди были из 'Стиффелио', 'Бала-маскарада', 'Дона Карлоса' и 'Отелло'. В каждой из них Хворостовский нашел идеальный баланс между элегантностью фразы, великолепным звуком, драматической дикостью и тщанием в самых маленьких музыкальных деталях. Он, так сказать, вжился в эту музыку, в своего героя, в свой голос и в самого себя.

Сам его голос - это роскошный инструмент. Звук Хворостовского не так уж глубок, и прекрасно было слушать, как он постепенно принаравливается к тяжелой акустике 'Чандлера'. Для сольного концерта этот зал слишком велик, а на русские песни, для которых характерен некий взгляд внутрь себя, этот зал слишком сильно давит, и в верхних регистрах голоса Хворостовского в первые моменты было что-то нервное и неуверенное. Но от одной композиции к другой разогревалась музыка, разогревался и он сам, и его голос расцветал: раскрывались верхи, низы становились более насыщенными.

И с драматической, и с вокальной точек зрения Хворостовскому еще есть куда взростеть. В арии Яго из 'Отелло' ему не удалось голосом изобразить настоящую угрозу, хотя элегантно-подлый герой Яго угрожающ и сам по себе. Голос Хворостовского также пока еще слишком легок для драматического баритона, на которой в основном построена русская опера. В его исполнении мы услышали три примера: 'Демона' Рубинштейна, 'Алеко' Рахманинова и 'Князя

Игоря' Бородина, но голос с трудом справлялся с тесситурой, кроме, пожалуй, последней арии.

Также, с одной стороны, сильной, но с другой - слабой стороной Хворостовского можно признать его изумительный контроль дыхания. Когда ему удастся этот прием, он заканчивает арию грандиозным взрывом звука как раз в тот момент, когда вам уже кажется, что в его легких вообще не осталось воздуха, и в опере это производит незабываемое впечатление. Но на сольном концерте, если использовать такой прием слишком часто, он начинает напоминать соревнования местных песняров. Но слишком частое потрясение от применяемого им приема - это вряд ли вещь, на которую публика будет потом жаловаться.

Акомпанировал Хворостовскому Ивари Илья (Ivari Iija), причем акомпанировал добросовестно и изящно, как настоящий камерный музыкант.